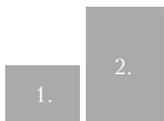

Анастасия Гриб,
критик, ведущая цикла о современной архитектуре, автор ряда научных статей по культуре и искусству Востока и Африки, журналистских материалов об архитектуре, театре, музыке. Автор интернет-сайта www.khatt.ru – справочника по мусульманской каллиграфии. Санкт-Петербург griana@gmail.com

Александр Раппапорт,
архитектор, теоретик искусства, критик, авторский блог: raparades.blogspot.com Санкт-Петербург

1. Эскиз Башни Татлина (Памятника III-му Коммунистическому Интернационалу). 1919-1920-е гг.
2. А. Дейнека. «Никитка – первый русский летун». 1940 г.

Каждый новый век пытается себя сперва разглядеть, затем презентовать, и уже потом осмыслить. Иногда нам кажется, что мы оторвались от 20 века, потерялись вне времени, мы цепляемся за прошлое и то самое запоминающееся, что в нём осталось... 21 век представляется пока бесформенным, топкой трясиной. Может быть, именно поэтому советское наследие мы принимаем за спасительные колышки-берёзки, за которые можно ухватиться, не осознавая, что и дальше трясины. Но колышками

Башня Татлина

Миф об Икаре в советской архитектуре

не спасёшься, с самой почвой рано или поздно придётся что-то делать. Наша беседа с Александром Гербертовичем Раппапортом о советском наследии в современной архитектуре – это проба почвы на устойчивость и жизнеспособность. Мы выбрали «Башню Татлина» в качестве самого яркого примера спасительной «берёзки» среди бескрайних болот. Она как икона олицетворяет собой советскую архитектурную утопию, которой не суждено было воплотиться в конкретную форму.

— Советский строй рухнул вместе с советским наследием, но насколько далёко мы ушли от недавнего прошлого? Что представляет собой архитектура начала 21-го века в её планетарном значении — разрозненные поползновения в общем потоке дизайна? И какова современная архитектура на территории бывшего Советского Союза?

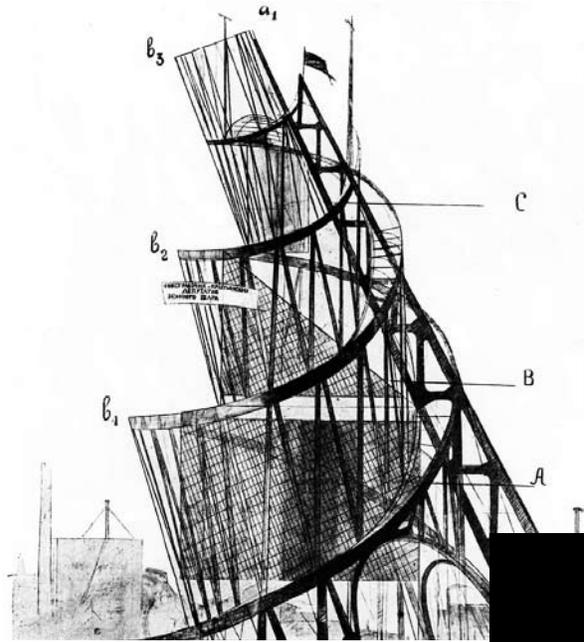
— Никакого сильного отрыва пока что не произошло. Мы продолжаем двигаться по инерции и, скорее всего, не вверх, а вниз. Архитектуры 21 века ещё не видно, по-прежнему строят в духе утопии 20 века. Отсутствие новых содержательных идей пытаются компенсировать размерами — всюду рождаются «монстры»: в США, в Шанхае, в Москве и Абу-Даби. Но эти монстры вымрут как динозавры, маленькая голова и большое тело — не идеальная конструкция.

— Башня Татлина была неким началом построения виртуального универсума. Как бы изменился Петербург, если бы Башне суждено было быть? Город приобрёл бы ещё одну организующую пространство вертикаль?

— Говоря о башне Татлина (БТ), стоит иметь в виду, что это рукодельное пластическое сооружение в качестве проекта практически рассматривалось редко. Это было художественное изваяние. Некий странный символ, столь же странный, сколь возникший впоследствии Мавзолей В.И. Ленина. И тот и другой объект восходят к древним зиккуратам — имевшим и погребальный, и космический смысл.

Вопрос о вертикалях — хоть власти, хоть зданий, — отдаёт архаикой. В социальном смысле вертикальные структуры эффективны только для отсталых социальных организмов. В архитектуре стремление строить высокие здания — плод культуры, ещё не верившей, что человек сумеет летать. Конечно, в некоторых случаях они возможны, но скорее как иронический жест, как улыбка об ушедшем детстве.

В XX веке они ещё служили символическим напоминанием о космическом полёте, то есть о преодолении силы тяжести. С 1958-1969 годов всё это — архивные, музейные мечты.

Башня Татлина

Миф об Икаре в советской архитектуре

1.

2.

1. Фрагмент крыла модели «Летатлина». Центральный музей ВВС РФ. Московская область.

2. В.Е.Татлин с макетом Памятника III-му Коммунистическому Интернационалу.

В середине XX века горизонтальные связи стали гораздо сильнее вертикальных. Это и победа демократических структур в политике, и коммуникационных сетей в управлении, и самой экологической мифологии как мифологии выживания.

Но вертикали разного рода живучи, поскольку идеологически мы всё ещё отстаём от времени, в котором живём, и испытываем потребность в ошеломительном «Ах!». То есть в каком-то смысле мы ещё дикари.

Наш авангард неслучайно тяготел и к футуризму (Маринетти — техника) и архаизму (Хлебников). Хлебникову очень нравился «Паутинный дол снастей» — башня Татлина.

— ...И, вместе с ней, новый миф?

— Миф-то Хлебникову нравился. Вот только был ли он «новым»? Может ли вообще миф быть «новым»? Вопрос не совсем ясный. То же можно сказать обо всей советской культуре XX века. Была ли она в каком-то смысле «новой»? И что в ней было на самом деле новое? Не культ покойных вождей и не вера в их непогрешимость — уж во всяком случае. Это вещи почтенной древности.

Действительно новым стало тотальное двоемыслие или лицемерие. Столь тонкое и общепринятое, что его никак до сих пор не могут отличить от энтузиазма, веры, любви и пр. Причина этого — скорость внедрения новых правил жизни и новой идеологии. Её приняли, не понимая, и выучивали наизусть по плакатам. Зато сразу смекнули — кто не с новой властью, тот обречён. Отсюда напускная мудрость, все в считанные дни стали материалистами, диалектиками и коммунистами. А за этим стояли права на жилплощадь, пайки и другие скудные блага.

Такого лицемерия прошлые эпохи не знали. В более конкретной формулировке это означает, что некогда существовавшие традиционные убеждения и архетипы коллективного бессознательного в советской культуре стали нормами сознательного конформизма, в частности, принципа партийности, нового советского патриотизма и научного

коммунизма. Эти настроения рождали не новые мифы, но новые иллюзии, как, например, о коренном отличии советской культуры от культуры буржуазной. Отсюда все разговоры о наследии советской культуры и её эстетике. О якобы огромном наследии советской архитектуры. Тут нужно отличать действительно прорывные идеи и проекты отдельных творцов, советской системой растоптанные, от наследия, к этим пророческим открытиям отношения не имевшие. Но в сегодняшней российской идеологии вопрос о существовании самого наследия даже не обсуждается, он берётся на веру. И теперь то, что советская система уничтожила, как раз и выдаётся за её наследие.

— Какие именно идеи вы называете прорывными?

— Одна из таких идей — тотальный проект. Хватит жить законом, данным Адамом и Евой. Клячу истории, у которой было уже нечему учиться, решили загнать до смерти. «Левой, Левой, Левой!»

Другая идея — воскресить с помощью науки всех отцов (с матерями не так ясно) и заселить бесконечную Вселенную бесконечным человечеством.

Третий проект — обобществить быт, детей и свести роль семьи к минимуму.

Наконец, — разрушить большие города и равномерно расселиться по территории планеты.

Да много было разных прорывных идей. Один «Чёрный квадрат» К. Малевича чего стоит. Татлину же принадлежит идея вело-планера, который оторвал бы человека от земли.

Правда, ему же принадлежит и вполне земная идея извлекать эстетический эффект из материалов — металла, дерева и пр. Но все эти прорывные идеи были запрещены и чуть было не утонули навеки в море забвения.

— Использует ли современная архитектура советское наследие? Могли бы вы назвать примеры социалистической эстетики в постсоветском контексте?

— В постсоветском контексте наверняка всё ещё жива советская эстетика. Но что такое «советская эстетика»?

Можно ли считать всё, что было построено с 1917 по 1991 год, «советской» эстетикой?

В самом советском много такого, что никак к советской эстетике не пришьёшь — прежде всего, Мавзолей В.И. Ленина. Мы относим к СЭ и помпезную безвкусицу фонтанов на ВДНХ, и коробки «хрущоб», и физкультурников на парадах, и классический балет в классицистических интерьерах. Советское кино делалось с оглядкой на Голливуд, а до того шло в ногу с западным конструктивизмом. Так что найти нечто стилистически советское непросто. В то же время мы видим, что соцреализм, сколько

1.

1. Фото Александра Петросяна, Санкт-Петербург. Работа вошла в экспозицию «Мы. Пространство и люди бывшего СССР», открывшуюся в октябре 2009 года в Новосибирске. Выставка была составлена из работ популярного сетевого проекта fotopolygon.com.

Башня Татлина

Миф об Икаре в советской архитектуре

бы он ни отрешивался от стиля в пользу метода, был всё же явлением стилевым. Если считать, что советское окончательно утвердилось после 1932 года, то общей чертой этой может стать как раз вторичность. В советском искусстве почти не было новаторов, определявших пути мирового искусства, а если они появлялись, то советская власть их немедленно уничтожала. Таковы, при всех их различиях, и Мейерхольд, и Мандельштам, и Бабель, и Леонидов, и Цветаева, и Бродский, и Татлин, и Филонов, и Малевич, и Обериуты, и многие другие.

А в итоге всё советское пошло по пути запоздалой имитации того, что оно же и отрицало — то есть западного. Парадокс, отражённый в анекдоте «Догоним и перегоним Америку, стоящую на краю пропасти». В России до сих пор это продолжается, хотя дистанция между тем, чему подражают, и своим несколько сократилась. Но ни о каком лидировании и самостоятельности пока речи нет. В архитектуре 1980-х годов вдруг явилось на свет никем не предпологавшееся поколение молодых архитекторов-«бумажников». Они получали первые места на конкурсах концептуальной архитектуры, но как только в России открылась возможность строить, все они очутились в рядах тех же имитаторов.

Для того, чтобы в нашей архитектуре начались подлинные творческие поиски и инновации, нужно уничтожить старый бюрократический режим в проектных организациях, академиях художеств и архитектуры, институтах, как обучающих, так и проектирующих. Сегодня все эти учреждения поддерживают на плаву рутинные формы творчества и никакого кислорода для мысли и творчества не дают.

Что же касается советского наследия, то вот это и есть главный итог — отсутствие индивидуальностей и собственного независимого мышления.

— Если считать, что наиболее отчётливыми архитектурными символами эпохи всё-таки были Мавзолей и Башня Татлина, то мы вынуждены будем признать, что в совокупности они обозначают разные точки вектора революции: Башня (памятник Третьему Интернационалу) — это символ грядущего, символ движения и восхождения, символ победы Октябрьской революции и мирового пролетариата, тогда как Мавзолей — это могильник, символ нового культа и новой мощи, музеефикация смерти и вождя. Мавзолей, пожалуй, и есть главное архитектурное наследие советского прошлого, возведённое на главной площади страны, тогда как Башня ушла в миф о грядущем, так и не будучи осуществлённой. Пока ещё мы живём в эпоху «ходячих трупов», тления искусства и некрофильского смакования. Так, может быть, если верить в теорию постоянного возвращения, этот татлинский миф ещё вернётся?

— Так было принято считать. Но пролетариат оказался классом умирающим, а не побеждающим. Вся власть и богатства достались не пролетариату, а бюрократам, чиновникам, партийным функционерам (аналог клерикального духовенства). Победу одержали как всегда властные и богатые над бедными и угнетёнными. Интернационал остался в сфере техники.

Насчёт «будущего» мы кроме «будет-лян» ничего вразумительного не имеем. Татлин, как и многие, поклонялся Хлебникову, тот почитал его башню,

но сам глядел не столько вперёд, сколько назад в архаику каких-то палеолитических культурных эпох. Он развивал русский язык в сторону нечленораздельных звуков. Вот вам и будущее.

— «Советское» постепенно входит в «национальную политику памяти», власти насаждают советское во всём, что касается нематериальной культуры (музыка, СМИ). Параллельно возникает группа мыслителей и художников «Что Делать», основанная на марксистской и левой критике. Как бы Вы прокомментировали эти явления?

— Тут путаница на уровне театра абсурда. Наши действительные достижения, которые могли бы стать основой политики «памяти», для масс не имеют никакой цены. Наш супрематизм и конструктивизм стали чем-то вроде матрёшек — это сувениры для иностранного потребления. Характерно, что традиции отечественного авангарда так и не были после 30-х годов реально оживлены практикой (только музеями). Были попытки Н. Остермана в 60-е годы возродить «Дома нового быта», были попытки молодёжи построить какой-то новый проект системы расселения «НЭР» (Новый элемент расселения, созданный группой авторов под руководством А. Гутнова и И. Лежавы в середине 60-х годов 20 века в Московском архитектурном институте, он опирался на полуутопические варианты жизни- и градостроительства 20-х годов). Но всё это — не более чем бумажные розочки на жареной свинине, украшения, никак на практику и жизнь не повлиявшие.

Я не знаком с творчеством группы «Что Делать», но думаю, что уже давно пора вести игру под другим лозунгом — «Чего не делать». Пока же мы будем размышлять над тем — «что делать», делать мы будем всё то же, что и делали — то есть имитировать, а не творить. Что делает сегодняшняя элита? Берёт взятки и ворует государственные деньги, без конца славословит своим же начальникам и тем самым обеспечивает себе возможность ловить рыбку в мутной воде, и, наконец, пользуясь своим административным ресурсом, душит и травит и суды, и органы

Башня Татлина

Миф об Икаре в советской архитектуре

защиты порядка, и всех, кто стоит ниже на служебной лестнице, дабы, не дай Бог, не потерять кресла. Какое уж тут гуманистическое творчество? Подавай им красивую жизнь.

Критики у нас нет никакой: ни глубокой, ни мелкой, ни принципиальной, ни беспринципной. Кто бы что ни написал или не построил, — молчание. «Народ безмолвствует» — как замечал ещё Николай Первый.

В последнее время «молчание масс» стало уступать место массовому хохоту, от которого уже, кажется, все посинели. Советская власть, если помните, люто боялась критики вообще и критического осмеяния в частности. За анекдоты людей сажали в тюрьмы. Теперь всё изменилось. Истерический хохот вызывают часто именно остроумные и критические высказывания и наблюдения. Голос разума уже вообще не слышен, он утонул в этом истерическом хохоте. Вот такая диалектика смеха. «Не смешно!» — как говаривал А. Райкин.

— Именно поэтому не соглашусь с тезисом о «неделании». Такая позиция как раз к полному умиранию нас и приведет. Это пассивный страх. А вот «что строить» и «чего не строить», и как не имитировать, а именно творить — в этом никогда не мешает разобраться... Голос народа, народное самосознание в современной архитектуре не имеют никакого значения, поскольку нет никакого народного самосознания. И народный досуг сегодня организуют торговые центры. Группа «Что Делать» как раз пытается предлагать альтернативу мейнстриму или, как Вы говорите, монстроидности. А, как Вам кажется, архитектура должна быть для народа?

— Для «народа» в целом ничего нельзя и не нужно делать. Делать можно только для тех или иных групп, гражданского общества — в том числе и элит — нравится это нам, или нет. Ведь элиты в наши дни быстро меняют свой культурный имидж и культурный уровень в лучшую сторону — от бандитских авторитетов мы в будущем, может быть, перейдём к образованным менеджерам.

Наша нынешняя городская культура ориентирована на достаточно обеспеченную несемейную молодёжь и такие группы населения как покупатели, потребители, зрители — то есть на коммерциализованный тип социума. И в историю она войдёт как самая бесчеловечная, ибо в ней не оказалось места старикам и сиротам, инвалидам и больным. Этим группам собирают деньги на ремонт перед отопительным сезоном, а Вы говорите — архитектура для народа.

Понятие «народ» социологического смысла сегодня, на мой взгляд, уже не несёт. Это аттавизм социальной мысли. Народ вымирает не в демографическом, а в культурном и антропологическом смысле — он в виде новой «массы» оторвался от природы, от сословных и профессиональных традиций. Его язык всё сильнее склоняется к какому-то жаргонному новоязу и не поддерживается литературой. Он следует и воспроизводится телесериалами. Печатное слово девальвировано и вместе с ним девальвировано всё то, что имеет хоть какое-то трансцендентное измерение. Так что ныне «народ» — это попса, которая всё «хаваает» и распевает любые песенки, главное, чтобы было громко. Как говорил повар Ноздрёва: «Было бы горячо, а вкус какой-нибудь уж выйдет». Воистину — тяжёлый рок.

«Единая Россия» имеет достаточно рычагов для изменения этой тенденции, но она напоминает массовку на сцене в оперном театре. Солист поёт, а «Единая Россия» бубнит: «Что говорить, когда нечего говорить». Недавно М. Барщевский остроумно заметил, что «Единая Россия» — это не партия в обычном смысле слова, а административно-хозяйственная организация. Делает, что прикажут.

Но возвращаясь к архитектуре, признаем — она болеет не только в России. Сегодня архитектура во всём мире уступает место дизайну, который принадлежит уже не столько сфере духа и культуры, сколько сфере обслуживания. Кое за что мы можем сказать ему «спасибо», всё-таки хорошие компьютеры, телевизоры, телефонные и фотоаппараты у нас теперь

есть. Есть и приличные рубашки, брюки, ботинки. Но насколько всё это спасёт нас от духовного вырождения, — не знаю. Я не против дизайнера, как и не против сферы обслуживания, я только против того, чтобы они оказались на месте сферы культуры и архитектуры. Им нужно найти своё место, их нужно сначала различить, увидеть в своих индивидуальных формах, а потом уже вновь соединить в каком-то разумном, человеческом единстве.

— Как бы развивался город, да и вообще страна, если бы это символический акт строительства Башни Татлина состоялся? Памятник III-му Интернационалу был не единственным футуристическим жестом Татлина. Был ещё, упомянутый Вами, его проект летающего велосипеда, воздухоплавательный «махолёт» под названием «Летатлин» (Летающий Татлин), в связи с которым Башня воспринимается как трамплин, откуда взлетают новые Икары. Башня выросла из необходимости формотворчества и планировалась как обитель демиургов — мыслителей, инженеров, художников, которые должны были постоянно вращаться вокруг наклонной оси. Вероятно, нынешним «демиургам» придётся обитать в офисных помещениях Газпром-сити?

— Демиурги и есть «творцы народа», своего рода металлурги новых социальных винтиков. Так что большого восторга они не вызывают, где бы они ни сидели — хоть в наклонной карусели Татлина, хоть в странно напоминающем фаллоимитатор, и тем самым возвращающем нас к каким-то прокреативным мифам Охтакентре.

Я согласен с тем, что развитие общества не может быть оторвано от архитектуры. Но из этого не следует, что мы можем прямо выводить будущее из того, реализован или нет тот или иной проект. Ясно, что без готических соборов мир средних веков был бы иным — во всём, не только в литургическом отношении. Вот и Башня Татлина — объект, который мог бы повлиять на многое. Но он задуман как уникальный. Едва ли можно

Башня Татлина

Миф об Икаре в советской архитектуре

представить себе все города, снабжённые БТ (хотя в нашем российском хозяйстве всё возможно). Что же касается Санкт-Петербурга, то тут два момента, на мой взгляд, особенно важны. Во-первых, БТ была всё же прозрачной, ажурной конструкцией со стеклянными объёмами внутри этой ажурной сетки. Во-вторых, она имела не столько вертикальный, сколько наклонный силуэт. И чем-то напоминала букву «А» или даже, скорее, Алеф. Вот эта наклонность (склонность) оси, которой в СПб не было, придаёт башне какой-то совершенно иной, «иномирный», трансцендентный образ, и этот образ, возможно, не противоречил бы городу, а дополнял его (именно это заметил пророческим глазом Хлебников, употребив слово «дол»).

А вот нынешний проект Охта-центра (Газпром-сити) как раз всех этих достоинств татлинской башни лишён. И то, что нынче власти мечтают строить этот ОЦ вместо БТ — лучшая иллюстрация к болтовне о традициях и наследии.

— У современной архитектуры есть какие-то альтернативы — полностью слиться с дизайном (если она ещё не слилась) и утратить свои функции, или же вылавиться в нечто совершенно новое, или, быть может, пойти по пути конструктивизма? Каковы Ваши прогнозы?

— Прогностика практически провалилась. Предвидеть будущее никто не в силах, ибо тогда время остановилось бы — и вовсе не в силу прекрасного мгновения, а в силу абсурда бытия. Но всё же есть разные виды предвидения. Мы склонны увлекаться розовыми перспективами (жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придётся). А на самом деле не менее, а, может быть, и намного более важно думать о том, что нам грозит. Как может ухудшиться наша жизнь, какие её недостатки имеют склонность перерастать в катастрофы. Вот это было бы важно уметь делать, хотя бы для ближайшего будущего, надеясь на то, что в более отдалённом мы сможем дурных последствий собственной глупости избежать.

Но ни слияние с дизайном, ни возвращение к конструктивизму (который был первым шагом к слиянию с дизайном), эти альтернативы не исчерпывают и даже не выявляют. Перспективы вообще не могут быть выведены ни из истории, ни из её экстраполяции — они рождаются в творчестве, реагирующем на сдвиги, причём порой едва заметные, во всех сферах и слоях жизни: в сфере техники, вкуса, мировоззрения, привычек, языка, наследственности и многого другого. Если бы мы просто были внимательны к тому, что происходит, а не к тому, что должно или хотелось бы иметь, мы получили бы гораздо более разумные основания для творческого эксперимента и предвидения.

— И при всём этом Вы действительно верите в «новый расцвет»?

— А во что ещё прикажете верить? В смерть в страшных муках или бесчувственное умирание в анабиозе? Согласно Эрнесту Блоху, мир живёт «принципом надежды», аналогичным научному «принципу причинности». Но при этом речь о «расцвете» могут вести только отпетые демагоги. Дело не в расцвете, который надо ещё заслужить, заработать и создать — собственными руками и собственной кровью. Речь о признаках и ростках возможностей выйти из тупика и начать новые проекты и новые усилия. Эти возможности лежат как в новых технических и духовных явлениях, так и в вечных принципах, которые не так-то легко уходят со сцены.

Если бы наши школы учили людей вглядываться и вслушиваться в эти возможности как источники обновления и развития, выживания и оздоровления... А сегодня бюрократическая машина требует от каждого инновации, новых направлений, прорывов и расцветов и пр., что рождает обман и просто глупость, с которой эти прорывы и инновации лепятся или раздуваются как мыльные пузыри на радость начальству. Поэтому я, скорее, верю не в расцвет, а в рассвет, при котором рассеется тьма предрассудков и страхов, тупость болтливых демагогов и безответственных властей.

Диктатуры искусства и архитектуры ещё ни одна эпоха не сумела достичь, равно как диктатуры пролетариата. Может быть, призраку Маркса и трупам коммунизма суждено навсегда почитать, развеивая затаённые страхи, а русский Леонардо — Владимир Татлин — со своими первичными формами и верой в человеческий разум уйдёт в футуристическую нишу? Или всё же вопреки инерции Башня Татлина воскреснет как феникс на волне нового культурного подъёма?